



где-то за пределами человеческих возможностей — «дальше некуда! — за рубежи!»

Верико Анджапаридзе признана большой трагической актрисой. Ею созданы ставшие хрестоматийными обра-



Верико Анджапаридзе. С этим именем связаны замечательные страницы грузинского театра. Более пятидесяти лет посвятила она служению театру, именно служению, ибо театр для нее — и призвание, и единственно мыслимая сфера деятельности. Искусству отдает она всю себя без остатка с одержимостью и горячностью безмерными. Эта огромная творческая самоотдача для нее нормальна и естественна, театр требует всей жизни, как говорит сама Верико Ивлиановна.

Анджапаридзе на сцене не похожа ни на кого. У нее не было предшественниц, не может быть и последовательниц. Кто может повторить необыкновенно звучащее слово актрисы, музыку ее речи, распевающую своеобразную интонацию? Или звук ее глубокого вибрирующего голоса совершенно поразительного тембра, голоса, проникающего в самое сердце? Недаром певец Сандро Инашвили говорил о ней: «Верико — это женщина-музыка, женщина-песнь». Ей можно подражать, но повторить ее нельзя.

Конечно же, дело не столько в манере говорить или своеобразной пластике актрисы, а в способе мыслить. Уникальность актерского дара Анджапаридзе берет начало в исключительности ее человеческой индивидуальности. Она не просто талантливая актриса — она талантливый человек, сильная и яркая личность. Неповторимым обаянием ее личности овеяны сценические образы Анджапаридзе. В каждом из них прорываются сила характера и непокорный дух их создательницы. И еще в одном они схожи — в способности к чувствам безграничным. Ее героиням свойственны такой напор страстей, такая неистовая буря чувств, что лежат они уже

сыщенную эмоциональным напряжением жизнь неожиданно «ворвалась» Февральская революция. Улицы заполнились народом, всюду песни, пляски, по ночам на бульварах горели костры, везде слышались лозунги «свобода» — было ощущение праздника. Мы, студенты, сразу врезались в гущу событий. Октябрьские дни в Москве были более тревожными, суровыми, но и захватывающими. Пустынные улицы, редкие прохожие, постоянные звуки выстрелов, Ко-

нечно, осмыслить подлинные процессы совершающегося я тогда не могла, но события захватывали, они несли острое, обжигающее ощущение новизны, неизведанности. Много студентов-грузин жило в районе Патриарших прудов, а на бывшей Поварской было грузинское землячество. Там доктор Зандукели организовал пункт первой помощи раненым революционерам — красным, как тогда их называли. Мы, студенты, ему помогли. Но чтобы дойти туда, нужны были мужество и смелость, так как весь Тверской бульвар простреливался нещадно от Страстной площади, откуда наступали красные, вплоть до Арбата, где засели кадеты (там было юнкерское училище). Нам приходилось пробираться через дворы, какие-то щели в заборах, ждать короткие передышки в стрельбе. Нет, мы не были простыми зрителями, мы жили полной, насыщенной жизнью. Чувство, что все устоявшееся, привычное рушится, сходит с рельс и надвигается что-то новое, грандиозное, — это чувство захватывало и втягивало в свою орбиту.

Вспоминаю последний разговор с Илларионом Николаевичем Певцовым, моим первым и любимым педагогом, артистом, игра которого меня потрясала: «Что будет, Илларион Николаевич? А вдруг театр будет не нужен, значит, и актеры не нужны?». В ответ Певцов от души хохотал. А в голове у него уже роились всякие планы. Теперь и мне кажется наивным и нелепым мой былой страх — театр не только был нужен народу, он никогда и нигде не имел такой силы воздействия, как в послереволюционные годы. В подъеме искусства отразился жизненный подъем новой эпохи. Искусство гениальных мастеров сцены никогда не могло быть не нужным, оно воспитывало, агитировало, разви-

вало любовь, преклонение перед художественным совершенством.

Так Великая Октябрьская революция с ее бурным стремлением к переустройству будущего вошла в мою жизнь и многое определила и в жизни, и в характере моего творчества.

Вернулась я в Грузию весной 1918 года. Приехала поездом, который шел почти месяц. В Тбилиси меньшевистское правительство разбазаривало Грузию, город был полон шот-

„Если душа родилась крылатой...“

ландскими, английскими солдатами, белогвардейцами. Они были здесь хозяевами. Врезался в память эпизод. Играли комедию «Иные нынче времена!» специально для «союзников». Солдаты сидели, развалившись, ноги на спинках кресел, и на сцену из партера летели жестянки из-под шоколада. Комедия превратилась для нас в драму со слезами. После Москвы с ее революционным порывом — это было чудовищно!»

Меньшевистское правительство в Грузии было свергнуто в 1921 году. Это время стало началом преобразования грузинского театра. Тогда и началась самостоятельная творческая деятельность молодой актрисы. Было трудно, но происходили такие перемены, что дух захватывало. Ответ тех бурных лет, эпохи сильных и целеустремленных людей, навсегда оставил свой отпечаток и в характере, и в творчестве Анджапаридзе. Не было у нее роли, в которой не проявилась бы великая непо-

коренная сила и стойкость человеческого духа. Ее героини страдали, боролись, но даже погибая, не были сломлены.

Бунтарский дух и страстная всепоглощающая любовь к театру роднили Анджапаридзе с другим большим художником — Котэ Марджанишвили, явившимся преобразователем грузинского театра. Об этом человеке, друге и учителе она говорит с особенным чувством и особыми словами. Он был для нее единственным неос-

поримым авторитетом в делах творчества. Верико Ивлиановна очень любила марджановские репетиции, даже больше, чем спектакли. Спектакль — уже результат, репетиция — сложный и увлекательный путь к нему. На своих репетициях Марджанишвили умел подготовить актера к тем минутам вдохновения, что составляют величайшую радость актерской профессии.

У Анджапаридзе независимый и бурный нрав, поэтому у нее вспыхивали иногда споры даже с Марджанишвили, правда, неизменно кончавшиеся не менее бурным примирением. Верико Ивлиановна вспоминает один давний случай, когда она работала над шекспировской Офелией:

«Сначала ничего не получалось. Мое представление роли не вписывалось в общий замысел Марджанишвили. Я изнервничалась и, наконец, отказалась от роли. Константин Александрович, зная мой характер, оставил на время меня в покое. Считая себя отстраненной от

роли, я тем не менее аккуратно ходила на все репетиции. И когда спектакль был уже почти готов, Марджанишвили предложил мне сыграть сцену безумия, как я хотела бы. «Так и оставим», — неожиданно сказал он после показа. Как я гордилась тогда! По молодости лет я считала, что сделала роль сама. Позже мне стало понятно, что я только исполнила замысел постановщика. Сидя на репетициях, впитывая атмосферу будущего спектакля, я лепила свою Офелию, внутренне подчиняясь режиссерской логике построения.

И еще я никогда не забуду, как в день премьеры «Гамлета» я ужасно испугалась перед выходом в сцене сумасшествия. Стояла в кулаке — уже результат, репетиция — сложный и увлекательный путь к нему. На своих репетициях Марджанишвили умел подготовить актера к тем минутам вдохновения, что составляют величайшую радость актерской профессии.

Во всех воспоминаниях — о своих ролях, о жизни, о трудной актерской профессии — Верико Ивлиановна говорит не столько о себе, сколько о тех, с кем сталкивалась ее судьба, о людях, оставивших свой след в ее душе, так или иначе повлиявших на ее творчество. С великой благодарностью вспоминает она людей, которым хоть в какой-то степени обязана своим мастерством. И это не от застенчивой скромности, она ей чужда, просто «истинная величина, — как говорил поэт, — никогда не

приписывает себя — самой себе», помня о преемственности, «сыновности».

Щедрой оказалась судьба к этой актрисе. Быть может, потому, что и сама она необыкновенно щедрa и в искусстве, и в жизни. Со сколькими замечательными художниками сцены встречалась за свою жизнь Анджапаридзе! Качалов, перед которым она благоговела, будучи студенткой там, в Москве, впоследствии стал ее другом, они даже выступали вместе в Тбилиси во время войны. «Вечно влюбленный в Вас Качалов» — такую надпись сделал он на своей фотографии, подаренной Анджапаридзе. Ее талантом восхищались Луначарский, Немирович-Данченко, Михоэлс, Охлопков... В Грузии работала она с Сандро Ахметели, Ушанги Чхеидзе, Серго Закаридзе, Акакием Васадзе.

Анджапаридзе неизменно привлекает к себе людей, потому что она талантлива и неповторима не только на сцене, но и в жизни. Ее дневниковыми записями зачитывается, хотя в целом она никогда не вела дневник, это разбросанные отрывки воспоминаний, запечатленные под непосредственным влиянием минуты, важной для нее. Но в них все живо, непосредственно, эмоционально. А как она умеет рассказывать! Слушать ее можно бесконечно. Ее рассуждения поражают своей остротой, иногда парадоксальностью. От нее не услышишь мыслей и слов — избитых, привычных. Становится понятным после общения с актрисой, что творческая дерзость идет у нее от человеческой необыкновенности.

Очень редко, когда особенно увлечется каким-то воспоминанием, Верико Ивлиановна может показать чей-то жест или характерное движение. Вот в эту минуту она преобразается: она как буд-

то становится выше ростом, в движениях появляется стремительность и упругость — будто и не давит на плечи груз семидесяти с лишним лет. И тогда действительно веришь ее утверждению, что на сцене не чувствуешь свою физическую оболочку. Так было с ней однажды, когда на вечере памяти Марджанишвили, играя Юдифь, она неудачно упала и сломала руку. Наверное, боль была нестерпимая, но актриса ее не помнила. Она потеряла сознание, только когда закончился акт.

После встреч в жизни с Верико Анджапаридзе остается чувство, будто прочитал прекрасные стихи. Сразу и не понятно, почему возникает это ощущение приподнятости — ведь она никогда не пользуется в быту сценическим арсеналом выразительности, поза, стремление к эффектности ей абсолютно чужды. Она обладает великим даром — простоты и бесыскренности. Верико Ивлиановна при любых обстоятельствах остается самой собой — и в мыслях, и в манерах, и в простоте общения — в этом, наверное, и состоит ее высшая самобытность. Она не старается выглядеть в лучшем свете, ни под кого не подстраивается, и эта твердость человеческой позиции очень привлекает в ней. Конечно, если не считать, что она обладает совершенно магическим обаянием и одухотворенной красотой.

В жизни, как и на сцене, Верико Анджапаридзе покоряет, прежде всего, масштабностью своей личности. Той масштабностью, которой на сцене она училась у Станиславского, а в жизни — у самой себя. Ибо это единственное, чему нельзя научиться. С этим надо родиться.

В. ЦЕРЕТЕЛИ.

196